

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Повесть об Ардешире и Хайят-ан-Нуфус

Повесть об Ардешире и Хайят-ан-Нуфус, ночи 719-729

Повесть об Ардешире и Хайят-ан-Нуфус, ночи 730-738

Ночь, дополняющая до семисот тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот тридцати, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старик сторож взял две тысячи динаров у царевны и вернулся в свое жилище и его родные обрадовались и пожелали блага тому, кто был причиной всего этого, и вот что было с ними.

Что же касается старухи, то она сказала: "О госпожа, это место стало красивым, и я никогда не видела известки чище этой и масла лучше этого. Посмотреть бы, поправил ли он дворец снаружи и внутри, или покрыл его снаружи штукатуркой, а внутри сажей. Войдем посмотрим на него внутри".

И нянька вошла, а сзади нее царевна, и они увидели, что дворец разрисован и украшен внутри самыми лучшими рисунками. И царевна посмотрела направо и налево и дошла до середины портика, и тогда она взглянула на него и долго на него смотрела, и нянька поняла, что ее глаза заметили изображение сна. И она подозвала обеих невольниц к себе, чтобы они не отвлекали царевны. Когда царевна увидела изображение сна, она обратилась к старухе, удивленная, ударяя рукой об руку, и сказала: "О няня, пойди посмотри на вещь столь удивительную, что будь она написана иглами в уголках глаз, она была бы назиданием для поучающихся". – "А что это такое, о госпожа?" – спросила старуха, и царевна сказала: "Войди в середину портика и посмотри и о том, что увидишь, осведоми меня". И старуха вошла и всмотрелась в изображение сна и вышла, удивленная, и воскликнула: "Клянусь Аллахом, о госпожа, это изображение сада, охотника и сетей и всего, что ты видела во сне. И удержало самца, когда он улетел, от возвращения к самке и освобождения ее из сетей охотника только великое препятствие. Я увидела, что он в когтях хищника и тот его убил, выпил его кровь, разорвал его мясо и съел его, и в этом, о госпожа, причина того, что он задержался и не вернулся к самке и не освободил ее из сети. Но диво, о госпожа моя, в том, что этот сон нарисован красками, и если бы ты захотела это сделать, ты была бы не в силах его изобразить. Клянусь Аллахом, это вещь диковинная, которую должно записать в книгах! Но, может быть, о госпожа, ангелы, приставленные к сынам Адама, узнали, что птица–самец обижена, так как мы ее обидели, упрекая ее за то, что она не вернулась, и выставили доказательство за самца и показали, в чем его оправдание. Вот я его сию минуту увидела убитого, в когтях хищника". – "О нянюшка, – сказала царевна, – это птица, над которой исполнился суд и приговор, а мы ее обидели". – "О госпожа, меж рук Аллаха великого встретятся тяжущиеся, – ответила старуха. – Но нам стала видна истина, о госпожа, и выяснилось, в чем оправдание птицы–самца. Если бы в него не вцепились когти хищника, который убил его и выпил его кровь и съел его мясо, он бы не задержался и вернулся к своей семье. Наоборот, он возвращался к ней, чтобы освободить ее из сети, но против смерти нет хитрости. А сын Адама – тем более: он будет морить себя голодом и накормит жену, и разденет себя, а жену оденет; он прогневит своих родных, а ее умиловит, и послушается и откажет родителям, а жене даст. Она знает его тайные и вскрытые помыслы и не может вытерпеть без него одну минуту, и если бы он отлучился на одну ночь, ее глаза бы не заснули. У нее нет никого дороже его, и она дорожит им больше, чем родителями, и, ложась спать, они обнимаются, и муж кладет руку под голову жены, и она кладет руку под голову мужу, как сказал поэт:

Подушкой ей подложил я руку, и спал я с ней,

И ночи сказал: "Продлись, сияет теперь луна".

О ночь! Никогда Аллах не создал подобной ей

Со сладости началась, с горечью кончилась.

А после этого муж целует жену, а жена целует мужа. Среди того, что случилось у одного царя с его женой, было то, что она заболела и умерла и он похоронил себя с нею, будучи жив, и согласился на смерть из любви к жене и крайней привязанности, бывшей между ними. То же случилось, когда один царь заболел и умер и его захотели похоронить, и его жена сказала родным: "Дайте мне похоронить себя с ним заживо, а иначе я убью себя и это будет на вашей совести". И когда поняли, что она не отступится от этого, ее оставили, и она бросилась в могилу к мужу от крайней любви к нему и сожаления о нем".

И старуха до тех пор рассказывала царевне истории, повествующие о мужчинах и женщинах, пока не прошла бывшая у нее в сердце ненависть к мужчинам. И когда старуха поняла, что у царевны вновь возникла любовь к мужчинам, она сказала: "Теперь настало нам время погулять в саду". И они вышли из дворца и стали ходить меду деревьями, и царевич бросил взгляд, и его взор упал на царевну, и он увидел ее облик и стройный ее стан, и ее розовые щеки, черные глаза, великое изящество, блестящую красоту и полное совершенство, и его ум был ошеломлен, и взор его устремился к ней, и исчезло в любви его здоровое разумение. И страсть перешла в нем предел, и все внутри его запылало огнем страсти, и его покрыло беспамятство, и он упал на землю в забыты. А очнувшись, он увидел, что царевна исчезла с его глаз и скрылась от него за деревьями..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать первая ночь

Когда же настала семьсот тридцать первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царевич Ардешир прятался в саду, и спустилась туда царевна со старухой, и они стали ходить среди деревьев, и когда царевич увидел девушку, его покрыло беспамятство от охватившей его сильной любви. А очнувшись, он увидел, что царевна исчезла с глаз и скрылась среди деревьев. И тогда он вздохнул из глубины сердца и произнес такие стихи:

"Когда увидел мой взгляд красу ее редкую,

Растерзано было сердце страстью великою.

И брошен, повергнут был на землю тотчас же я,

Не ведала дочь царя, что было со мной тогда.

Нагнувшись, она чарует сердце влюбленного,

Аллахом молю, – смягчись и сжался ты надо мной!

Владыка, молю, ускорь сближение и счастье дай

Душе ты моей, пока в могилу я не сошел!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И пусть поцелуй мой десять, десять и десять раз

Уста истомленного к щеке принесут ее".

А старуха до тех пор водила царевну по саду, пока не дошла до того места, где был царевич. И тогда старуха вдруг сказала: "О тайно милостивый, избавь нас от того, что нас страшит!" И когда царевич услышал знак, он вышел из-под прикрытия и принял самодовольный и высокомерный вид и стал ходить среди деревьев, смущая своим станом ветви, и лоб его был окаймлен капельками пота, а щеки его стали как заря – слава Аллаху великому за то, что он создал! И царевна бросила взгляд и увидела юношу. И, увидев его, она надолго устремила на него взор и увидела его красоту и прелесть, и его глаза, которые пленяли газелей, и его стройный стан, позоривший ветви ив. И царевич ошеломил ее ум и похитил ее разум и поразил ее стрелами глаз в сердце, и царевна опросила старуху: "О няня, откуда у нас этот юноша, прекрасный видом?" – "Где он, о госпожа?" – спросила старуха, и царевна ответила: "Вот он, близко, среди деревьев".

И старуха стала оглядываться направо и налево, словно она ничего о нем не ведала, и спросила: "А кто показал этому юноше дорогу в этот сад?" И Хайят-ан-Нуфус воскликнула: "О, кто расскажет нам об этом юноше – слава тому, кто создал мужчин! А ты, о няня, знаешь его?" – "О госпожа, это тот юноша, который посылал тебе со мной послания", – ответила старуха, и царевна (а она потонула в море любви и в огне страсти и увлечения) воскликнула: "О нянюшка, как этот юноша прекрасен! Поистине он красив видом, и я думаю, что на лице земли нет никого лучше".

И когда старуха поняла, что любовь к юноше овладела царевной, она молвила: "Разве я не говорила тебе, о госпожа, что это красивый юноша со светлым ликом?" И царевна сказала ей: "О нянюшка, царские дети не знают обстоятельств земной жизни и не знают качеств тех, кто есть на земле, и они ни с кем не общаются, не берут и не дают. О нянюшка, как до него добраться и какой хитростью обратить мне к нему лицо, и что я скажу ему, и он мне скажет?" – "А какая есть теперь у меня в руках хитрость? – ответила старуха. – Мы не знаем, как поступить в этом деле из-за тебя". "О нянюшка, – воскликнула царевна, – знай, что никто не умер от страсти, кроме меня! Я уверена, что умру сейчас же, и все это из-за огня любви".

И когда старуха услышала слова девушки и увидела ее страсть в любви к юноше, она сказала: "О госпожа, что касается до его прихода к тебе, то к этому нет пути, а тебе простительно, что ты не пошла к нему, потому что ты молоденькая. Но идем со мной, и я буду идти впереди, пока ты не дойдешь до него, и я стану с ним разговаривать, так что тебе не будет стыдно, и в один миг у вас с ним возникнет дружба". – "Иди впереди меня приговора Аллаха не отвратить", – сказала царевна. И нянька с царевной пошли и подошли к царевичу, который сидел, подобный луне в ее полноте. И когда они подошли к нему, старуха сказала: "Посмотри, о юноша, кто пришел к тебе – это дочь царя времени, Хайят-ан-Нуфус.

Узнай же ей цену и значение того, что она пошла и пришла к тебе. Встань из уважения к ней и стой перед нею на ногах". И царевич в тот же час и минуту поднялся на ноги, и его взор встретился с ее взором, и оба они стали как пьяные, без вина, и еще увеличилась любовь царевича и его страсть к ней. И царевна раскинула руки, и юноша также, и они обнялись, охваченные крайним томлением, и одолела их любовь и страсть, и покрыло их беспамятство, и они упали на землю, и оставались без чувств долгое время. И старуха испугалась позора и внесла их во дворец и села у дверей его, а невольницам она сказала: "Пользуйтесь и гуляйте, – царевна спит". И невольницы снова пошли гулять. А влюбленные очнулись от забытья и увидели себя внутри дворца, и юноша сказал царевне: "Заклинаю тебя Аллахом, о владычица красавиц, – сон ли это, или пучки сновидений?" И затем они обнялись и опьянели без вина и стали жаловаться на волнение страсти, и юноша произнес такие стихи:

"Восходит с лица ее сияющий солнца лик,

И так же со щек ее румянец зари блеснит.

Когда появляется смотрящим лицо се,

Смущенно скрывается звезда в небесах пред ним,

Когда же появятся улыбки ее лучи,

Свет утра блеснет, и мрака тучи рассеет он,

А если свой гибкий стан склонить она вздумает,

Ревнует ее тогда ветвь ивы в листе своей,

Достаточно видеть мне ее, и доволен я,

Спаси, сохрани ее людей и зари господь!

Луне она в долг дала частицу красот своих,

Хотело с ней сходным солнце быть – не могло оно.

Откуда взять солнцу мягкость нежных боков ее,

Откуда взять месяцу и внешность и нрав ее?

Кто может меня корить за то, что я весь в любви,

И то разделяюсь в ней, то вновь безразделен я?

Моим овладела сердцем, раз лишь взглянув она,

И что уберечь могло бы сердце влюбленное?"

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тридцать вторая ночь

Когда же настала семьсот тридцать вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царевич окончил свои стихи, царевна прижала его к груди и поцеловала в уста и меж глаз, и душа вернулась к юноше, и он принялся сетовать ей на силу страсти, которую испытывал, и жестокость любви и великую тоску и волнение и на то, что случилось с ним из-за суровости ее сердца. И царевна, услышав его слова, стала целовать ему руки и ноги и обнажила голову, и потемнело на земле, и засияла над ней луна. "О любимый, о предел моих желаний, – да не будет дня разлуки и да не заставит его Аллах к нам вернуться! – сказала царевна. И они обнялись и стали плакать, и царевна произнесла такие стихи:

"О солнце дня смутивший и лик луны,

Велел убить чертам меня дивным ты.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сразил мечом он глаз меня режущим,
Куда бежать от глаз меча острого?
С бровей, как лук, мне в сердце разящая
Стрела огня и страсти вонзилася,
А щек плоды мне рай сулят розовых
Стерпеть могу и их не рвать разве я?
Твой гибкий стан – расцветшая ивы ветвь,
Плоды ее срывать должно любящим
Влечешь меня насильно ты, сна лишив,
Забыла стыд в любви к тебе всякий я.
Аллах тебе поможет пусть светом дня,
Приблизив даль и миг, когда свидимся!
Так сжался же над сердцем страдающим
И помощи высот твоих ищущим!"

А когда она окончила свои стихи, любовь залила ее, и она обезумела и стала плакать слезами обильными, струящимися и сожгла сердце юноши. И он сделался пленником любви к ней и обезумел и подошел к царевне и стал целовать ей руки и плакать сильным плачем. И они не переставая, обменивались укорами, беседовали и говорили стихи, пока не раздался призыв к предвечерней молитве, и не было между ними ничего, кроме этого.

И они собрались уходить, и царевна сказала юноше: "О свет моего глаза и последний вздох моего сердца, теперь время разлуки, но когда же будет встреча?" А юноша, которого пронзили стрелы ее слов, воскликнул: "Клянусь Аллахом, я не люблю упоминания о разлуке!" И затем царевна вышла из дворца, и Ардешир посмотрел на нее и увидел, что она издает стоны, от которых расплавится камень, и плачет слезами, подобными дождю, и он потонул от любви в море бедствий и произнес такие стихи:

"Желанная сердца, все больше я занят
Любовью к тебе, как теперь ухитриться?
Твой лик, точно утро, когда оно встанет,
А кудри напомнили цветом мрак ночи.
Твой стан – точно ветвь, когда гнется она,
Коль северный ветер ее закачает,
А глаз твоих взоры – газелям подобны,
Когда на них взглянут достойные люди.
Твой стан изнурен отягчающим задом
Ведь тяжек он так, а твой стан легковесен"
Вино влаги уст твоих – лучший напиток,
Как мускус пахуч он и чист и прохладен"
Газель из степей, перестань же грустить,
Будь щедрой ко мне и пришли мне хоть призрак".

И когда царевна услышала эти слова, сказанные для восхваления ее, она вернулась к юноше и обняла его с горящим сердцем, где разлука разжигала огонь, который гасили лишь поцелуй и объятия, и молвила: "Сказал сложивший ходячую поговорку – терпеть без любимого, но не утратить его, – и я непременно придумаю хитрость" чтобы нам встретиться". И потом она простилась с юношей и ушла, не зная, от сильной любви, куда она ставит ноги, и шла до тех пор, пока не увидела себя в своей комнате.

Что же касается юноши, то тоска и безумие его усилились, и он лишился сладости сна. А царевна не вкушала пищи, и истощилось ее терпение, и стойкость ее ослабела. Когда наступило утро, она позвала няньку, и та явилась и увидела, что состояние царевны изменилось. "Не спрашивай, что со мной: все, что со мной – дело твоих рук", – сказала царевна. И потом она спросила: "Где любимый моего сердца?" – "О госпожа, – сказала старуха, – а когда он с тобой расстался? Разве он был вдали от тебя дольше, чем одну ночь?" – "А разве мне возможно вытерпеть без него и одну минуту! – воскликнула царевна. – Поднимайся, придумай хитрость и сведи меня с ним поскорее, – душа моя почти из меня выходит". – "Продли терпение, о госпожа, пока я не придумаю для вас тонкого дела, о котором никто не узнает", – сказала нянька, и царевна воскликнула: "Клянусь великим Аллахом, если ты не приведешь его сегодня, я обязательно скажу царю и расскажу ему, что ты меня испортила, и он сбросит тебе голову!" – "Прошу тебя ради Аллаха, потерпи со мной, ибо это дело опасное", – сказала старуха. И она до тех пор унижалась перед царевной, пока не уговорила ее потерпеть три дня, и потом царевна сказала ей: "О няня, эти три дня стоят для меня трех лет. Если пройдет четвертый день и ты его ко мне не приведешь, я постараюсь тебя убить".

И нянька вышла от царевны и отправилась в свое жилище, а когда наступило утро четвертого дня, она позвала всех горничных города и потребовала от них хороших красок, чтобы раскрасить невинную девушку, разрисовать и расписать се, и они принесли ей требуемое, лучшего, какой только есть, сорта. А затем она позвала юношу, и когда тот явился, открыла сундук и вынула из него узел, в котором было платье из женских одежд, стоящее пять тысяч динаров, и повязку, обшитую всевозможными драгоценными камнями, и сказала: "О дитя мое, хочешь ли ты встретиться с Хайят-ан-Нуфус?" И царевич ответил: "Да!" И тогда старуха взяла щипчики и выщипала на лице у царевича волосы и пасурмила его и потом она обнажила его и наложила узоры ему на руки, от ногтей до плеча, и на ноги, от плюсны до бедер, и расписала ему все тело, и узоры стали подобны красной розе на плитках мрамора. А после этого, через небольшое время, она вымыла юношу и почистила его и вынесла ему рубаху и исподнее и потом одела его в ту царственную одежду с повязкой и покрывалом и научила

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

его, как ходить, и сказала: "Выставляй левую ногу, и отставляй правую". И юноша сделал так, как она ему велела, и пошел перед ней, и стал он подобен гурии, вышедшей из рая. И старуха сказала ему: "Укрепи свое сердце – ты идешь к царскому дворцу, и обязательно будут у ворот солдаты и слуги. И если ты их испугаешься или охватит тебя страх, они начнут в тебя всматриваться и узнают тебя, – постигнет нас вред, и пропадут наши души. И если нет у тебя силы на это" осведоми меня". – "Это дело меня не страшит, будь же спокойна душою и прохлади глаза", – ответил царевич. И старуха вышла, идя впереди него, и они дошли до ворот дворца, перед которыми было полно евнухов, и старуха обернулась к юноше, чтобы посмотреть, охватил его страх или нет, и увидела, что он все такой же и не изменился. И когда старуха подошла, главный евнух посмотрел на нее и узнал ее, а позади нее он увидел девушку, описание которой смущает умы, и сказал про себя: "Что до старухи, то это нянька, а что до той, которая сзади, то нет в нашей земле девушки, похожей на нее внешностью и близкой к ней по красоте и изяществу, если только это не царевна Хайят-ан-Нуфус, но она взаперти и никогда не выходит. Если бы узнать, как она вышла на дорогу! Посмотреть бы, вышла ли она с позволения царя или без его позволения!"

И он поднялся на ноги, чтобы выяснить это дело, и за ним последовали около тридцати евнухов, и когда старуха увидела их, ее ум улетел, и она воскликнула: "Поистине мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Пропали наши души сейчас, нет сомнения..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тридцать третья ночь

Когда же настала семьсот тридцать третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда старуха увидела главного евнуха, который приближался со своими слугами, ее охватил величайший страх, и она воскликнула: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Поистине мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Пропали наши души сейчас, нет сомнения!"

И когда главный евнух услышал слова старухи, его охватил страх, так как он знал ярость царевны и знал, что отец под ее властью. "Может быть, царь велел няньке взять свою дочь с собой, чтобы исполнить какое-нибудь дело, и не хочет, чтобы кто-нибудь о ней знал, – сказал он про себя. Если я стану ей противодействовать, у нее в душе будет из-за меня нечто великое, и она скажет: "Этот евнух встал передо мною, чтобы раскрыть мои обстоятельства", – и постарается меня убить. Нет мне нужды до этого дела". И он повернул назад, и тридцать евнухов вернулись с ним к воротам дворца и отогнали людей от дворцовых ворот, и тогда старуха вошла и поздоровалась с ними головой, и тридцать евнухов встали из уважения к ней и возвратили ей приветствие. И старуха вошла, и царевич вошел сзади, и они входили в разные двери, и прошли через все помещения, и покрывал их покрывающий, пока они не дошли до седьмой двери, – а это была дверь самого большого дворца, в котором находился царский престол, и через нее можно было пройти в комнаты наложниц, помещение гарема и дворец царской дочери. И старуха остановилась там и сказала: "О дитя мое, вот мы пришли сюда, да будет же хвала тому, кто привел нас; к этому месту! О дитя мое, встреча придет к нам не раньше чем ночью, так как ночь – покров для боящегося". – "Ты права. Как же ухитриться?" – спросил царевич, и старуха сказала: "Спрячься в этом темном месте".

И царевич сел в колодец, а старуха отправилась в другое место и оставила юношу в колодце до тех пор, пока день не повернул на закат, и тогда она пришла к нему и вытащила его из колодца, и они вошли в ворота дворца и входили в двери, пока не подошли к комнате Хайят-анНуфус. И нянька постучала в дверь, и вышла маленькая невольница и спросила: "Кто у дверей?" И нянька ответила: "Я". И тогда невольница вернулась и спросила у своей госпожи позволения няньке войти, и царевна сказала: "Открой ей и дай ей войти и тому, кто с нею". И оба вошли.

И когда они явились, нянька обернулась к Хайят-анПуфус и увидела, что та уже приготовила помещение и расставила светильники и покрыла скамеечки и портики коврами и положила подушки и зажгла свечи в золотых и серебряных подсвечниках. И она поставила трапезу и плоды и сладости и зажгла мускус, алоэ и амбру и села среди свечей и светильников, и свет ее лица был сильнее всего их света. И, увидев няньку, она спросила: "О няня, где возлюбленный моего сердца?" И старуха ответила: "О госпожа, я его не встречала, и мой глаз не падал на него, но я привела к тебе его сестру по отцу и по матери". – "Что ты – бесноватая? Нет мне нужды в его сестре! Разве, когда болит у человека голова, он перевязывает себе руку!" – воскликнула царевна. И нянька ответила: "Нет, клянусь Аллахом, о госпожа, но взгляни на нее, и если она тебе понравится, оставь ее у себя".

И она открыла лицо юноши, и когда царевна узнала его, она поднялась на ноги и прижала его к груди, и они упали на землю, покрытые беспмятством на долгое время. И нянька брызнула на них розовой водой, и они очнулись, и царевна поцеловала его в уста более чем тысячей поцелуев и произнесла такие стихи:

"Посетил любимый сердца в темноте,

Я стояла, в уваженье, пока сел.

Я сказала: "О желанный, о мой друг,

Не боялся стражи, ночью ты пришел!"

Он ответил: "Я боялся, по любовь

Вздох последний мой и душу отберет".

Обнялись мы и лежали так с часок,

Безопасно тут и стража не страшна,

Встали мы, дурного не свершив совсем.

Отряхнули платье – грязи нет на нем..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тридцать четвертая ночь

Когда же настала семьсот тридцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда к Хайят-ан-Нуфус пришел во дворец ее возлюбленный, они обнялись, и она произнесла стихи, подходящие для этого, а окончив говорить, воскликнула: "Разве правда, что я вижу тебя в моем жилище и ты мой собеседник и друг?"

И затем усилилась ее любовь, и измучило ее волнение" так что ум ее едва не улетел от радости, и она произнесла такие стихи:

"Дороже души моей пришедший во тьме ночной,

И в срок, им назначенный, его ожидала я,

И вдруг испугал меня рыдания его звук,

И молвила я: "Семья, приют и уют тебе!"

И тысячу раз в лицо его целовала я,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И тысячу раз обняла, а он был закрыт плащом,

И молвила я: "Теперь достигла желанного

Аллаха восхвалим же – он к должному нас привел!"

И спали мы, как хотели, в ночь наилучшую,

Пока не прогнало утро сумрачной ночи тьму"

А когда наступило утро, она ввела царевича в одну из своих комнат, и он не входил к ней, пока не пришла ночь. И тогда царица привела его к себе, и они сели и стали беседовать. "Я хочу, – сказал царевич, – вернуться в мои земли и осведомить отца о твоих обстоятельствах, чтобы он послал к твоему отцу своего везиря и тот бы посватался к тебе у него". "О любимый, – сказала царица, – я боюсь, что ты уйдешь в свою страну к власти и отвлечешься и забудешь любовь ко мне, или твой отец не будет согласен с твоими словами, и тогда я умру, и конец. Правильное решение, чтобы ты остался со мной, в моих руках и смотрел бы на мое лицо, и я смотрела бы на твое лицо, пока я не придумаю для тебя хитрости и мы не выйдем, и я и ты, в одну ночь и не отправимся в твою страну. Я уже отчаялась и не надеюсь больше на моих родных".

И Ардешир отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" И они продолжали, как раньше, пить вино. И в какую-то ночь вино было им приятно, и они не задремали и не заснули, пока не заблистала заря. И вдруг случилось, что один из царей прислал отцу царицы подарки, среди которых было ожерелье из бесподобных драгоценных камней, состоявшее из двадцати девяти зерен, цену которых не покрыли бы сокровищницы царя, и царь сказал: "Это ожерелье подходит только для моей дочери Хайят-ан-Нуфус!" И он обратился к одному евнуху, у которого царица вырвала зубы из-за обстоятельств, требовавших этого, и позвал его и сказал: "Возьми это ожерелье и доставь его к Хайят-ан-Нуфус и скажи ей: "Один царь прислал его в подарок твоему отцу, и не найдется денег, которые бы покрыли его стоимость. Надень же его себе на шею".

И слуга взял ожерелье, говоря: "Пусть сделает его Аллах великий последним, что она наденет в жизни – она лишила меня пользы от моих зубов!" И пошел и пришел к дверям комнаты царицы. И он увидел, что двери заперты и старуха спит у дверей, и разбудил ее, и она проснулась, испуганная, и спросила: "Что тебе нужно?" – "Царь послал меня с делом к своей дочери", – ответил евнух. И старуха сказала: "Ключа нет; уходи, а я принесу ключ". – "Я не могу пойти к царю", – сказал евнух. И старуха ушла, чтобы принести ключ, и ее охватил страх, и она убежала, ища спасения своей души. И когда евнух заждался ее, он побоялся заставить ждать царя и толкнул дверь и потряс ее, и защелка сломалась, и дверь распахнулась. И евнух вошел и входил в двери, пока не дошел до седьмых дверей, и, войдя в комнату царицы, он увидел, что она устлана великолепными коврами, и там стоят свечи и кувшины. И евнух удивился этому делу и шел, пока не дошел до ложа, перед которым была парчовая занавеска и сетка из драгоценных камней, и, подняв занавеску, евнух увидел царицу, которая лежала, держа в объятиях юношу, прекраснее ее. И евнух прославил Аллаха великого, который создал его из ничтожной воды, и воскликнул: "Вот прекрасные дела для той, кто ненавидит мужчин! Как она добралась до этого? Я думаю, что она вырвала мне зубы только из-за него!" И он опустил занавес на место и вышел, направляясь к дверям, и царица проснулась, испуганная, и увидела евнуха Кафура и кликнула его, но он не отозвался. Тогда она спустилась с ложа и догнала Кафура и, схватив край его одежды, положила его себе на голову и поцеловала евнуха ноги, говоря: "Покрой то, что покрыл Аллах!" – "Аллах да не покроет тебя и того, кто покрывает тебя! – воскликнул евнух. – Ты вырвала мне зубы и говорила: "Пусть никто не упоминает мне ни о каких качествах мужчин". И он вырвался от нее и вышел бегом и запер дверь и поставил у двери евнуха сторожить ее. И он вошел к царю, и царь спросил его: "Отдал ты ожерелье Хайят-ан-Нуфус?" – "Клянусь Аллахом, ты достоин большего, чем все это!" – сказал евнух. И царь воскликнул: "А что случилось? Скажи мне и говори скорее!" – "Я скажу тебе не иначе как в уединении", – ответил евнух. Но царь вскричал: "Говори не в уединении!" – "Дай мне пощаду", – сказал тогда евнух. И царь бросил ему платок пощады, и евнух сказал: "О царь, я вошел к царице Хайят-ан-Нуфус и нашел ее в комнате, устланной коврами, и она спала, держа в объятиях юношу. И я запер их и явился к тебе".

И когда царь услышал его слова, он поднялся на ноги и взял в руку меч и кликнул главного евнуха и сказал ему: "Возьми твоих молодых, войди к Хайят-ан-Нуфус и принеси и ее и того, кто у ней, лежащими на ложе, и закройте их обоих одеялами..."

И Шахразад усталило утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тридцать пятая ночь

Когда же настала семьсот тридцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь приказал евнуху взять своих молодых и отправиться к Хайят-ан-Нуфус и принести к нему ее и того, кто был с ней, евнух со своими людьми вышел, и они вошли к ней и увидели, что Хайят-ан-Нуфус стоит на ногах и совсем растаяла от плача и стонаний и царевич тоже. И главный евнух сказал юноше: "Ложись на ложе, как раньше, и царица тоже". И царица испугалась за юношу и сказала ему: "Сейчас не время прекословить". И оба легли, и их понесли и принесли к царю. И когда царь открыл их, царица поднялась на ноги, и царь посмотрел на нее и хотел отрубить ей голову, но юноша поспешил и бросился царю на грудь и воскликнул: "О царь, на ней нет греха – грех на мне. Убей же меня прежде нее". И царь направил на него меч, чтобы убить его, и тогда Хайят-ан-Нуфус бросилась к отцу и воскликнула: "Убей меня, но не убивай его. Он сын величайшего царя, который владеет всей землей и вдоль и вширь".

И, услышав слова своей дочери, царь обратился к великому везиру (а он был скопищем зла) и спросил его: "Что ты скажешь, о везирь, об этом деле?" И везирь ответил: "Вот, что я скажу: "Всякому, кто попал в это дело, нужно лгать, и нет для них ничего, кроме отсечения головы, после того как ты их помучаешь разными мучениями".

И тогда царь позвал меченосца своей мести, и тот пришел со своими молодыми, и царь сказал ему: "Возьмите этого негодяя и отрубите ему голову, а после него – этой распутнице и сожгите их и не спрашивайте меня о них второй раз", И палач положил руку на спину девушки, чтобы схватить ее, и царь закричал на него и бросил в него чем-то, что было у него в руке, так что чуть не убил его, и сказал: "О пес, как ты можешь быть кротким, когда я в гневе? Возьми ее рукой за волосы и тащи ее за них, чтобы она упала на лицо".

И евнух сделал так, как приказал царь, и потащил царицу, и юношу тоже, и притащил их к месту крови. И он отрезал кусок от края своей одежды и завязал юноше глаза и вынул меч (а он был острый), отложив казнь царицы, в надежде, что для нее последует смягчение. И он занялся царевичем и трижды поиграл мечом (а вся свита плакала и молилась Аллаху, чтобы для обоих вышло смягчение) и поднял руку, и вдруг взвилась пыль, которая застлала края неба.

А причиной этого было то, что, когда царь, отец юноши, заждался вестей о своем сыне, он собрал большое войско и отправился с ним сам, чтобы разыскать своего сына, и вот что было с ним.

Что же касается до царя Абд-аль-Кадира, то, когда появилась эта пыль, он сказал: "О люди, в чем дело и что это за пыль, которая затмила взоры?" И великий везирь поднялся и вышел от царя, направляясь к этой пыли, чтобы узнать о ней истину, и увидел людей, точно саранчу, число которых не исчислялось и подкрепление которым не истощалось, и наполнили они горы, долины и холмы. И везирь вернулся к царю и рассказал ему об этом деле, и царь сказал везиру: "Пойди и узнай, что это за войско и какова причина его прихода в нашу страну, и спроси, кто предводитель войска, и передай ему от меня привет. Спроси о причине его прихода, и если ему надо исполнить какое-нибудь дело, мы ему поможем, а если он должен отомстить кому-нибудь из царей, мы выедем вместе с ним. Если же он хочет подарка, мы одарим его, ибо их великая численность и большое войско и мы боимся его ярости для нашей земли". И везирь вышел и пошел среди палаток, солдат и воинов и шел от начала дня до приближения заката. И тогда он подошел к обладателям золоченых мечей и расшитых звездами шатров, а после этого он дошел до эмиров, везирей, царедворцев и наместников, и шел до тех пор, пока не дошел до султана. И он увидел, что это великий царь, и когда увидели везиря вельможи правления, они закричали ему: "Целуй землю! Целуй землю!" И он поцеловал землю и поднялся, и закричали на него во второй раз и в третий, и, наконец, он поднял голову и хотел встать, но упал во всю

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

длину от сильного страха и почтения, а встав, наконец, меж рук царя, он сказал ему: "Да продлит Аллах твои дни, да возвеличит твою власть, и да возвысит твой сан, о счастливый царь! – А после того: – Царь Абд–аль–Кадир приветствует тебя и целует перед тобою землю и спрашивает тебя, с какой заботой ты пришел? Если ты хочешь отомстить царям, он выедет, чтобы служить тебе, а если ты стремишься к цели, которую ему возможно осуществить, он станет служить тебе в этом деле".

И царь сказал ему: "О посланник, пойдй к твоему господину и скажи ему: "У царя величайшего есть сын, который отсутствует долгое время, и вести о нем заставляют себя ждать, и исчезли следы его. Если он находится в этом городе, царь возьмет его и уедет от вас; если же случилось с ним какое–нибудь зло или поразило его у вас что–нибудь запретное, его отец разрушит ваши земли, ограбит ваше имущество, убьет ваших мужчин и уведет в плен ваших женщин. Возвращайся же скорее к твоему господину и осведоми его об этом, прежде чем постигнет его бедствие". И везирь отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" И хотел уходить, но царедворцы закричали ему: "Целуй землю! Целуй землю!" И он поцеловал землю двадцать раз и встал лишь тогда, когда душа его подошла к носу. И затем он вышел из царской залы и шел, размышляя о деле этого царя и о многочисленности его войск, пока не дошел до царя Абд–аль–Кадира, и краска сошла с его лица, и был он в величайшем страхе, и поджилки у него тряслись. И он осведомил царя о том, что с ним случилось..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тридцать шестая ночь

Когда же настала семьсот тридцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда везирь вернулся от царя величайшего и рассказал царю Абд–аль–Кадиру, что с ним случилось (а краска сошла с его лица, и у него тряслись поджилки от сильного страха), царь Абд–аль–Кадир сказал ему, охваченный беспокойством и страхом за себя и за своих людей: "О везирь, а кто же будет сын этого царя?" – "Его сын–тот, кого ты велел убить, и слава Аллаху, который не ускорил его убийства – его отец разрушил бы тогда наши земли и ограбил бы наше имущество", – отвечал везирь. И царь воскликнул: "Посмотри, как порочно было твое мнение, когда ты посоветовал нам его убить! Где же юноша, сын этого доблестного царя?" – "О доблестный царь, ты приказал его убить", – сказал везирь. И когда царь услышал эти слова, они ошеломили его разум, и он закричал из глубины сердца и головы: "Горе вам, поспешите к палачу, чтобы он не подверг его казни!" И палача тотчас же привели, и, явившись, он сказал царю: "О царь времени, я отрубил ему голову, как ты приказал мне". – "О пес, – воскликнул царь, – если это правда, я непременно отправлю тебя за ним следом". – "О царь, – сказал палач, – ты велел мне убить его, не спрашивая тебя о нем второй раз". – "Я был в гневе! Говори правду, прежде чем погибнет твоя душа!" – воскликнул царь. И палач сказал: "О царь, он в оковах жизни!"

И царь обрадовался, и успокоилось его сердце, и он велел привести юношу. И когда тот явился, царь встал на ноги и поцеловал его в уста и сказал: "О дитя мое, я прошу у великого Аллаха прощения за то, что случилось из–за меня с тобою. Не говори же о том, что унижит твой сан в глазах твоего отца, царя величайшего". – "О царь времени, а где царь величайший?" – спросил юноша. И царь сказал: "О дитя мое, он пришел из–за тебя". – "Клянусь моим уважением к тебе, я не двинусь, пока не очищу мою честь и честь твоей дочери от того, что ты нам приписал! – воскликнул царевич. – Она девушка невинная! Позови нянек–повитух, чтобы они ее осмотрели перед тобой, и если ты увидишь, что невинность ее пропала, я сделаю мою кровь тебе дозволенной, а если она невинна, объяви, что моя честь и ее честь свободны от позора".

И царь позвал повитух, и, осмотрев девушку, они нашли ее невинной и рассказали об этом царю и потребовали от него награды, и царь наградил их и надел на них то, что было на нем надето, и наградил также всех, кто был в гареме. И вынесли подносы с благовониями и надушили вельмож правления и обрадовались до крайней степени. А потом царь обнял юношу и обошелся с ним почтительно и с уважением и велел свести его в баню вместе с ближайшими его слугами. А когда он вышел, царь облачил его в роскошную одежду и надел ему на голову венец из Драгоценных камней и обвязал ему стан парчовым поясом, вышитым червонным золотом и украшенным жемчугом и драгоценностями. И он посадил его на коня из лучших коней, под золотым седлом, украшенным жемчугами и драгоценностями, и приказал вельможам правления и главарям своего царства ехать, служа царевичу, пока не приедет к своему отцу, а юноше он поручил сказать своему отцу, царю величайшему: "Царь Абд–аль–Кадир – под твоей властью, послушен и покорен тебе во всем, что ты ему прикажешь или запретишь". И юноша молвил: "Это непременно будет сделано!"

И затем он простился с царем и поехал, направляясь к своему отцу. И когда отец его увидел, ум его взлетел от радости, и он поднялся на ноги и прошел несколько шагов и обнял сына, и распространилось веселье и радость в войске царя величайшего. И явились все везири и царедворцы и все воины и предводители и поцеловали землю перед юношей и порадовались его приходу, и был это для них, в радости, великий день. И царевич позволил тем, кто был с ним и прочим жителям города царя Абд–аль–Кадира, смотреть, каковы войска царя величайшего, и приказал, чтобы никто им не препятствовал и они могли бы видеть многочисленность его войска и силу его власти. И все, кто ходил на рынок торговцев материей и видел юношу раньше, когда он сидел там в своем помещении, удивлялись, как он мог согласиться на это при своем благородстве и высоком положении, но принудила его к этому любовь и склонность к царевне. И распространились вести о многочисленности его войска, и дошло это до Хайят–анНуфус, и она поднялась на вышку дворца и посмотрела на горы и увидела, что они наполнены солдатами и воинами. А она была во дворце своего отца, заточенная, под присмотром, до тех пор пока не узнают, что прикажет о ней царь – либо простить ее и выпустить, либо убить и сжечь.

И когда Хайят–ан–Нуфус увидела этих воинов и поняла, что это воины отца Ардешира, она испугалась, что царевич ее забудет и отвлечется от нее со своим отцом, с которым он уедет от нее, и ее отец ее убьет, и послала к нему свою невольницу, которая была с нею в комнате, чтобы прислуживать, и сказала: "Сходи к Ардеширу, сыну царя, и не бойся, а когда придешь к нему, поцелуй перед ним землю и осведоми его о себе и скажи: "Моя госпожа приветствует тебя, и она теперь заперта в замке своего отца, под присмотром, и он либо захочет ее простить, либо захочет ее убить. И она просит тебя не забывать ее и не оставлять – ведь ты теперь обладаешь властью и, что бы ты ни посоветовал, никто не может ослушаться твоего приказанья. И если ты сочтешь хорошим освободить ее от власти ее отца и взять к себе, это будет от тебя милостью. Она ведь перенесла эти тяготы из–за тебя. А если ты не сочтешь этого хорошим, так как желание до нее у тебя прошло, скажи твоему отцу, царю величайшему – может быть, он заступится за нее перед отцом и не уедет раньше, чем освободит ее от отца, и возьмет от него обещание и заверение, что он не сделает ей дурного и не вознамерится ее убить. И вот конец речи, и да не заставит тебя Аллах тосковать. Мир с тобою..."

И Шахразаду застигло утро, я она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать седьмая ночь

Когда же настала семьсот тридцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница, когда Хайятан–Нуфус послала ее к Ардеширу, ночь сыну царя величайшего, пришла к нему и передала ему слова своей госпожи. И царевич, услышав от нее эти слова, горько заплакал и сказал невольнице: "Знай, что Хайят–ан–Нуфус – моя госпожа и я ее раб и пленник любви к ней, и я не забыл того, что было между нами, и горечи дня разлуки. Передай же ей, после того как поцелуешь ей ноги, что я сказал: "Я поговорю с моим отцом о тебе, и он пошлет своего везира, который раньше сватался к тебе у твоего отца, чтобы он опять к тебе посватался, и твой отец не сможет перечить. И если он пришлет к тебе, чтобы посоветоваться об этом, не прекословь ему, – я уеду в мою страну не иначе, как с тобою".

И невольница вернулась к госпоже и поцеловала ей руки и передала ей послание царевича, и Хайят–ан–Нуфус, услышав его, заплакала от сильной радости и прославила Аллаха великого.

Вот что было с нею. Что же касается юноши, то он остался ночью наедине с отцом, и тот спросил его, как он поживает и что с ним случилось, и царевич рассказал ему обо всем, что с ним случилось, с начала до конца. И тогда отец спросил: "Что ты хочешь, чтобы я для тебя сделал, о дитя мое? Если ты хочешь его погубить, я разрушу его земли и ограблю его имущество и опозорю его жен". – "Я не хочу ничего такого, о батюшка, так как он ничего со мной не сделал, чтобы этого требовало, – ответил царевич. – Напротив, я хочу сближения с царевной. И я желаю от твоей милости, чтобы ты собрал подарок и поднес его ее отцу, но пусть это будет подарок ценный, и пошли его с твоим везирем, обладателем правильного мнения".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И отец его отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" А потом он направился к тому, что он припрятал с давнего времени, и вынул из этого все дорогое и показал сокровища сыну, и они ему понравились. Потом он позвал везиря и послал все это с ним и велел отнести эти вещи к царю Абд-аль-Кадиру и посвататься у него к его дочери и сказать ему: "Прими этот подарок и дай царю ответ". И везирь пошел и направился к царю Абд-аль-Кадиру, а царь Абд-аль-Кадир был печален с той минуты, как расстался с царевичем, и его ум был все время занят, и он ожидал разрушения своей страны и захвата своих деревень. И вдруг везирь пришел к нему и приветствовал его а поцеловал перед ним землю, и царь поднялся для него на ноги и встретил его с почетом, и везирь поспешно припал к его ногам и стал их целовать и сказал: "Прощение, о царь времени! Подобный тебе не встает для подобного мне, и я ничтожнейший из рабов твоих слуг. Знай, о царь, что царевич говорил со своим отцом и осведомил его о части твоих милостей к нему и благодеяний, и царь благодарит тебя за это. Он отправил с твоим слугой, который меж твоих рук, подарок, и он желает тебе мира и выделяет тебя особым приветом и почетом".

И когда царь услышал от везиря эти слова, он не поверил ему от сильного страха, пока ему не принесли подарка, и когда ему показали подарок, он увидел, что цены его не покрыть деньгами, и ни один царь из царей земля не в силах собрать подобного, и душа его показалась ему ничтожной. И он поднялся на ноги и прославил Аллаха великого и восхвалил его и поблагодарил юношу, и везирь сказал ему: "О благородный царь, прислушайся к моим словам и знай, что царь величайший пришел к тебе и избрал близость к тебе, а я явился к тебе послом, желая твоей дочери, госпожи охраняемой и жемчужины скрываемой, Хайят-ан-Нуфус, брака с его сыном Ардеширом. И если ты согласен на это дело и оно угодно тебе, сговоришься со мной о приданом".

И, услышав от везиря эти слова, царь ответил: "Слушаю и повинуюсь! С моей стороны нет прекословия, и он – самый любезный мне человек. Что же касается дочки, то она достигла зрелости и благоразумия, и власть над нею – в ее собственных руках. Знай, что это дело относится к дочери она сама для себя избирает". И он обратился к главному евнуху и сказал ему: "Войди к моей дочери и осведоми ее об этих обстоятельствах". И главный евнух отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" И прошел до помещения гарема и, войдя к царевне, поцеловал ей руки и рассказал ей, о чем говорил царь, и спросил: "Что ты скажешь в ответ на эти слова?" И царевна отвечала: "Слушаю и повинуюсь..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать восьмая ночь

Когда же настала семьсот тридцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, когда главный евнух гарема рассказал царевне, что ее сватают за сына царя величайшего, она отвечала: "Слушаю и повинуюсь!" И, услышав эти слова, главный евнух гарема вернулся к царю и осведомил его об ответе. И царь обрадовался сильной радостью и велел подать роскошную одежду и облачил в нее везиря, приказав дать ему десять тысяч динаров, и сказал: "Доставь ответ царю и спроси у него для меня позволения прийти к нему". И везирь отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" И затем он вышел от царя Абд-аль-Кадира и шел, пока не дошел до царя величайшего. И он доставил ему ответ и передал ему слова, которые имел передать, и царь обрадовался этому, а что касается царевича, то ум его взлетел от радости, и грудь его расширилась и расправилась. А потом царь величайший позволил царю Абд-аль-Кадиру прийти к нему и встретиться с ним. И когда настудил следующий день, царь Абд-аль-Кадир сел на коня и явился к царю величайшему. И тот встретил его и возвысил его место и приветствовал его и сел с ним, а царевич стоял перед ними, а затем поднялся оратор из приближенных царя Абд-аль-Кадира и произнес речь красноречивую, поздравляя царевича с доставшимся ему осуществлением желаемого и женитьбой на царевне, госпоже царевен. А потом царь величайший, после того как оратор сел, приказал принести сундук, наполненный жемчугом и драгоценностями, и пятьдесят тысяч динаров и сказал царю Абд-альКадиру: "Я поверенный моего сына во всем, на чем утвердилось дело". И царь Абд-аль-Кадир признал, что получил приданое, в числе которого было пятьдесят тысяч динаров на свадьбу его дочери, госпожи царских дочерей, Хайят-ан-Нуфус.

И после этих речей призвали судей и свидетелей и написали запись дочери царя Абд-аль-Кадира с сыном царя величайшего, Ардеширом, и был это день торжественный, когда радовались все любящие и гневались все ненавидящие и завистники. И затем устроили пиршество и званые трапезы. И царевич вошел к девушке и нашел ее жемчужиной несверленной и кобылицей, другим не езженной, единственной, охраняемой, драгоценностью сокрываемой, и стало это ясно для ее отца. И затем царь величайший спросил своего сына, осталось ли у него в душе желание перед отъездом, и царевич ответил: "Да, о царь. Знай, я хочу отомстить везирю, который причинил нам зло, и евнуху, который выдумал о нас ложь". И царь величайший сейчас же послал к царю Абд-аль-Кадиру, требуя от него этого везиря и евнуха, и тот послал их к нему, и когда они явились, царь велел их повесить на воротах города.

А после того они оставались небольшое время и опросили

царя Абд-аль-Кадира позволить своей дочери собираться в путь. И отец снарядил ее, и царевну посадили на ложе из червонного золота, украшенное жемчугом и драгоценностями, которое влекли чистокровные кони, и она взяла с собой всех своих невольниц и евнухов, а нянька вернулась на свое место, после бегства, и стала жить, как обычно. И сели на коней царь величайший с сыном, и сели также царь Абд-аль-Кадир и все жители его царства, чтобы проститься с его зятем и дочерью, и был это день, считавшийся одним из лучших дней. И когда они удалились от города, царь величайший стал заклинать свояка, чтобы тот вернулся в свою страну, и царь Абд-аль-Кадир простился с царевичем и возвратился, прижав его сначала к груди и поцеловав его меж глаз, поблагодарив его за милости и благодеяния и поручив ему свою дочь. А после прощания с царем величайшим и его сыном, он обратился к своей дочери и обнял ее, а она поцеловала ему руки, и они оба заплакали на месте прощания. И царь Абд-альКадир вернулся в свое царство, а сын царя величайшего ехал с женой и отцом, пока они не прибыли в свою землю, и тогда они снова справили свадьбу. И они жили самой усладительной, приятной, радостной и сладостной жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, разрушающая дворцы и населяющая могилы, и вот конец этой повести.